

Глава 5. Многочисленные хлопоты ордена Цисинь

Проснулся Сун Цимин лишь на следующий день. Наспех одевшись и собрав волосы в простой пучок, он позвал к себе Шэнь Цзибая. Но вместо того, чтобы расспрашивать ученика о заучивании канонов меча, лекарь с порога велел:

— А ну-ка протяни руки. Покажи ладони.

Шэнь Цзибай послушно вытянул руки. Цимину хватило одного взгляда: хотя язвы на пальцах затягивались, дело шло слишком медленно. Немного подумав, он открыл систему Лунного камня, обменял очки на мазь из духовных цветов и протянул баночку мальчику.

— Наноси её наружно. Ровно неделю.

— Благодарю, учитель, — тихо произнёс Шэнь Цзибай.

Цимин подпёр подбородок ладонью и мягко улыбнулся:

— Скоро мне нужно уйти по делам. Жди меня, вернусь после полудня.

— Слушаюсь, — Шэнь Цзибай почтительно поклонился и без лишних расспросов покинул комнату.

На улице он столкнулся с пятой ученицей ордена, Цзян Шэюэ, которая как раз шла поприветствовать наставника. Сохраняя абсолютное спокойствие на лице, мальчик вежливо поклонился ей:

— Приветствую, шишу Цзян.

Цзян Шэюэ одарила его тёплой, ласковой улыбкой.

— Цзибай, куда это ты направляешься?

— Повторять духовные техники. Днём мне нужно медитировать.

— Гора Пяти пиков, что позади нашего ордена, — отличное место для медитаций. Ступай туда.

— Благодарю за совет, шишу Цзян.

Цзян Шэюэ рассмеялась:

— Не будь таким суровым, мы ведь теперь одна семья. Цзибай, твой наставник всё ещё спит у себя? Я как раз хотела отвести вас на Гору Пяти пиков, посмотреть на цветущие рощи. Они только-только распустились.

— Учитель занят делами, — честно ответил мальчик.

— Вот как? А я-то надеялась поговорить с ним, подбодрить... — Цзян Шэюэ вздохнула с лёгким сожалением. — Что ж, тогда пойдём со мной. Прогуляешься по Горе Пяти пиков, заодно поприветствуешь остальных старших.

— Слушаюсь.

Цзян Шэюэ зашагала впереди, увлекая его за собой.

— Цзибай, а какие сладости тебе по душе? Твоя шишу, между прочим, прекрасно готовит выпечку.

Следуя за ней, Шэнь Цзибай глубоко задумался. Прошло немало времени, а он так и не нашёл что ответить. По правде говоря, он и сам не знал, какой вкус ему нравится, — он слишком давно не пробовал ничего подобного.

Цзян Шэюэ, будучи человеком проницательным, сразу всё поняла по его растерянному лицу. Она легонько постучала бумажным веером по своему плечу и улыбнулась:

— Вообще-то я тут как раз осваиваю рецепт пирожных из шести цветов. Как только будут готовы, обязательно угощу тебя. Договорились?

— Договорились. Премного благодарен, шишу Цзян.

День стоял ясный и погожий. Позади ордена Цисинь вздымались величественные хребты. Окутанные вечным туманом древние горы, чистые ручьи, оглашаемые криками журавлей и щебетом птиц, рождали ощущение безмятежности. Время от времени сквозь клубящиеся облака над главными воротами пролетали адепты, возвращавшиеся из дальних странствий на своих сияющих мечях.

Вслед за Цзян Шэюэ мальчик поднялся на вершину Горы Пяти пиков — излюбленное место для созерцания и уединения. Взору его открылись разбросанные тут и там беседки, пара чистых прудов и перекинутый через зеркальную гладь каменный мостик. Одни ученики сидели в позе лотоса, погрузившись в медитацию, другие вели неспешные партии в го в тени павильонов. Из-за невысоких оград робко пробивались первые весенние бутоны, вдохновляя стоявших рядом юношей соревноваться в сложении стихов. Для всех обитателей ордена это был редкий час беззаботного отдыха.

Поскольку важных дел в эти дни не намечалось, Гора Пяти пиков служила лучшим прибежищем для тех, кто желал насладиться цветами, прохладой озёр или сиянием луны. Заметив, что младшая сестра привела с собой Шэнь Цзибая, находившиеся на вершине шисюны тут же окружили их. Они с доброжелательными улыбками принялись расспрашивать мальчика: хорошо ли ему спалось на новом месте, да ладно ли заботится о нём наставник.

Шэнь Цзибай терпеливо и вежливо отвечал на каждый вопрос. Тем временем Цзян Шэюэ достала из бамбуковой корзинки два блюда с угощениями:

— Цзибай, попробуй сначала мои пирожные с мёдом дикой сливы и миндалём.

— У нашей Шэюэ всегда был кулинарный талант, — заметил старший дядя-наставник.

Четвёртый дядя-наставник, Лю Цзуван, отправил кусочек лакомства в рот и одобрительно кивнул, подталкивая тарелку к Шэнь Цзибаю:

— Ешь побольше, набирайся сил. Брат Цимин рассказывал, как знатно над тобой измывались в Поместье семьи Чжан. Вот окрепнешь как следует, и мы вместе сходим к ним «потолковать». Что скажешь?

Цзян Шэюэ налила ароматный чай и преподнесла чаши старшим братьям:

— Четвёртый брат, прекрати. Цзибай ещё совсем ребёнок, не смей учить его глупостям.

Старший брат добродушно рассмеялся, но тут же хлопнул себя по лбу, вспомнив о чём-то важном:

— Ах да! Наш учитель на днях заикался, что сосватал-таки третьему невесту. Девушка с Горы Белой Яшмы, из тамошних учениц. Говорят, красавица писаная! Вот только почему старик взялся устраивать судьбу третьего раньше, чем второго?

Цзян Шэюэ, прикрыв рот ладонью, тихонько прыснула:

— Наш почтенный учитель зрит в самый корень. Он просто боится, что третий брат опять увяжется в какую-нибудь историю. А тут под предлогом смотрин ему придётся хоть на время остепениться — из уважения к старшему-то поколению точно явится.

Шэнь Цзибай на мгновение растерялся:

— Шишу Цзян, неужели эти смотрины назначены на сегодня?

— Как раз сегодня, в час Вэй, — подтвердила Цзян Шэюэ. — Вот только успеет ли твой наставник вернуться к назначенному сроку?

В этот момент порывистый ветер пронёсся над рощей, всколыхнув целое облако нежно-розовых лепестков. Сладкий, удушливый аромат защекотал в носу у Шэнь Цзибая. Не выдержав, мальчик поспешно зажал нос рукой, чтобы не чихнуть на глазах у старших. Чихнуть-то он не чихнул, но его нос и глаза мгновенно покраснели. Одной рукой он всё ещё тёр зудящую переносицу, когда краем глаза заметил неподалёку знакомую фигуру. Сун Цимин уже вернулся и сейчас как раз лениво поправлял стойку какому-то нерадивому адепту ордена.

Завершив наставления, Цимин неторопливым шагом направился к беседке. Увидев, как его младшие братья и сёстры носятся со спасённым им мальчишкой, словно с величайшей драгоценностью, он невольно вздохнул.

«Эх, мне бы хоть каплю этого всемогущего ореола главного героя...»

Впрочем, предаться зависти ему не дал старший брат, который зычным голосом напомнил:

— Третий, смотри у меня, не вздумай опоздать на смотрины! Время уже поджидает.

— Да знаю я, знаю, — отмахнулся Цимин.

Опустившись на каменную скамью, он с благодарностью принял чашу горячего чая, которую услужливо поднесла ему Цзян Шэюэ. Сделав неторопливый глоток, он удовлетворённо прикрыл глаза:

— А младшая сестра заметно преуспела в искусстве заваривания чая. Или это я просто слишком долго отсутствовал в ордене Цисинь?

Второй старший брат, Лу Цинцин, сердито зыркнул на него:

— Ещё бы! Тебя целых полгода носит бог весть где, ни слуху ни духу. Младшая все глаза выплакала от беспокойства. Может, укоротишь наконец свой поводок и посидишь дома?

Цимин на мгновение замялся, а затем виновато улыбнулся:

— Простите, что заставил вас волноваться.

[Внимание]

[Автор «Едящий огурцы как попало» только что наделил главного героя склонностью к

аллергии на цветочную пыльцу]

Цимин отложил надкусанное пирожное и перевёл взгляд на ученика, у которого уже вовсю слезились глаза и распух нос.

— Цзибай, раз уж у тебя аллергия на пыльцу, зачем вообще было сюда подниматься?

Услышав это, Цзян Шэюэ растерянно моргнула:

— Ох, прости, третий брат... Я не знала, что у него такая беда. Это я затащила его сюда силой.

Шэнь Цзибай поспешно поклонился, оправдывая тётушку:

— Учитель, не вините шишу Цзян. Я сам захотел посмотреть на цветущие сады Горы Пяти пиков.

— Ну что за ребёнок, — покачала головой Цзян Шэюэ, а затем легонько хлопнула третьего брата по плечу. — Если тебе пора собираться на смотрины, иди. Я сама отведу Цзибая обратно в Зал Вечного блаженства.

— Не нужно, я сам им займусь, — Цимин мягко покачал головой.

Он ловко сунул недоеденное лакомство в рот застывшему мальчику, а левой рукой плавно очертил круг над его макушкой. В то же мгновение вокруг Шэнь Цзибая соткался едва заметный прозрачный барьер, преградивший путь летящей пыльце. Мальчик послушно пережёвывал сладкое тесто. Он был изумлён, но внешне остался совершенно спокоен и по-прежнему смиренно стоял подле учителя.

Цимин тепло усмехнулся:

— Раз уж пришёл полюбоваться цветами, побудь ещё немного. Цзибай, красиво здесь, верно?

Быстро проглотив угощение, Шэнь Цзибай кивнул:

— Очень красиво.

Прежде весь его мир состоял лишь из беспросветного, липкого мрака. Но теперь, когда рядом появился наставник, эта гнетущая тьма отступила без следа. Вглядываясь в мягкую, заботливую улыбку Сун Цимина, мальчик заворожённо прошептал одними губами:

— Невероятно красиво...

Цимин, усердно отыгрывая роль самого любящего в мире наставника, прищурился:

— Я и сам планировал привести тебя сюда ближе к вечеру. Кто же знал, что младшая сестрица опередит меня и заберёт себе всю благодарность?

Цзян Шэюэ шутливо скорчила рожицу:

— Ну прости, братец, виновата!

Не прошло и часа, как полуденное солнце запекло нещадно. Тёплый ветерок утих, сменившись знойным маревом, и Цимин решил, что пора уводить мальчишку в прохладную тень дворца. В это время Шэнь Цзибай заворожённо наблюдал у пруда за адептами, устроившимися на берегу с удочками.

Заметив задумчивый взгляд брата, устремлённый на ученика, Цзян Шэюэ негромко произнесла:

— Третий брат, когда ты планируешь начать его обучение? По-моему, малыш сильно тревожится. Он до смерти боится, что ты решишь бросить его.

Цимин очнулся от раздумий:

— Бросить? Ни за что. Мне просто нужно выяснить, кто наложил на него это проклятое клеймо.

Младшая сестра ошеломлённо замерла:

— Значит... ты собираешься разрушить печать?

Вместо ответа Цимин лишь молча кивнул и сделал глоток остывшего чая.

Жизнь в ордене Цисинь подчинялась строгому уставу: утренний колокол будил адептов на рассвете, а в час Свиньи следовало гасить огни и ложиться спать. Весь этот день Сун Цимин обучал преемника базовым медитативным техникам сосредоточения. Шэнь Цзибай хоть и выбился из сил, но схватывал всё буквально на лету — сказывались врождённая сноровка и цепкий ум.

Когда наступила глухая ночь, мальчик вернулся в свои покои и лёг на постель, но сон к нему не шёл. Он никак не мог привыкнуть засыпать в столь ранний час. Ещё недавно в Поместье семьи Чжан города Фаньчэн даже глубокой ночью у него всегда оставался ворох тяжёлой, грязной работы, которой не было видно конца. А теперь... тишина и мягкая постель казались ему чем-то чуждым.

Заметив, что Шэнь Цзибай битый час ворочается с боку на бок, затаившийся на потолочной балке Сун Цимин окончательно потерял терпение. Одним лёгким щелчком пальцев он наложил на главного героя Заклятие беспробудного сна. Чары подействовали мгновенно.

Спрыгнув с балки на мягкий ковёр, Цимин коснулся пальцами лба спящего мальчика.

— Спи крепко, — прошептал он и щелчком зажёл свечу на столе.

[Система]

[Зачем было тянуть? Могли бы наложить Заклятие беспробудного сна гораздо раньше]

Цимин бесшумно подошёл ближе.

«Я просто хотел проверить, сможет ли он уснуть сам... Похоже, паршивцу понадобится время, чтобы обжиться»

Он аккуратно стянул с мальчика верхнее одеяние и перевернул его лицом вниз. Стоило взглянуть на худую спину, сплошь покрытую уродливыми рубцами и шрамами, как у лекаря невольно вырвался тихий вздох.

«Да уж, законы жанра от этого Едящего огурцы как попало работают без сбоев. В завязке этот паршивый автор знатно поиздевался над физическим и душевным здоровьем своего героя»

Сун Цимин прижал пальцы к лопаткам спящего мальчика и пустил по венам поток своей духовной энергии. Спустя несколько минут напряжённой тишины он медленно извлёк наружу две чёрные иглы, вонзившиеся глубоко в кость, — те самые Гвозди, вырезающие душу. Из открывшихся ран на лопатках хлынула густая тёмная кровь.

Даже находясь в глубоком беспамятстве, Шэнь Цзибай тихо застонал от невыносимой боли, а его лоб покрылся крупными каплями холодного пота. Цимин торопливо нанёс на раны целебное зелье, останавливающее кровь, и принялся вливать в его меридианы духовную силу. Но стоило его энергии проникнуть глубже, как мощная ответная волна едва не отбросила лекаря назад, грозя жестокой отдачей.

Нахмурившись, Цимин резко разорвал связь. Он взглянул на свои дрожащие пальцы и мысленно обратился к Системе.

«Если снять с него эту печать, он ведь сразу взлетит до уровня Лу Чэнхуа, так? Что этот Едящий огурцы вообще писал о его происхождении?»

По правде говоря, этот многотомный роман он толком и не читал. О сюжете знал лишь со слов

приятеля, да и те пропускал мимо ушей, увлечённый разглядыванием его хорошенькой младшей сестры. Теперь Сун Цимин искренне жалел о своей беспечности.

[Система]

[Информация о происхождении главного героя заблокирована. Автор произведения «Едящий огурцы как попало» не оставил детальных пояснений по этому поводу]

— Мать твою за ногу! Ну и ублюдок этот пёс-автор! — в сердцах выругался Цимин.

[Система]

[Пожалуйста, соблюдайте правила приличия]

Ещё утром он выменял в магазине Лунного камня способ снятия «Клейма возврата души». И хотя на это ушло целых семьдесят лунных камней, результат стоил каждой потраченной крохи.

Когда на рассвете Шэнь Цзибай открыл глаза, он даже не заподозрил, что ночью кто-то касался его лопаток. Но тело наполнилось невиданной прежде лёгкостью. Прежние кандалы, наложенные клеймом, имели скверные побочные эффекты: во-первых, они лишали возможности сбежать, а во-вторых, наливали конечности свинцом, будто на плечи взвалили тяжёлый валун. Теперь же, избавившись от этой кары, мальчик мог вздохнуть свободно, и будущие тренировки должны были пойти куда успешнее.

Однако прошёл целый месяц, а духовные силы Шэнь Цзибая так и не сдвинулись с мёртвой точки — духовные каналы оставались забиты, словно родник, заткнутый тугой пробкой. Сам же новоявленный учитель совершенно не утруждал себя занятиями: он то и дело сбегал из ордена, чтобы побродить по окрестным лесам, пропустить чарку-другую в ближайшем кабаке или поглазеть на местных красавиц. Стоило Шэнь Цзибаю попытаться обратиться к нему с вопросом, как Сун Цимин ветром уносился прочь, исчезая за воротами ордена Цисинь. При виде этих побегов второй старший брат, Лу Цинцин, каждый раз заходился в яростном крике:

— Да куда тебя снова черти несут?!

Среди младших адептов поползли скверные слухи. Шептались, будто шишу Сун взял ученика лишь ради забавы, а теперь, когда минутная прихоть угасла, попросту бросил его на произвол судьбы. Все только сочувствовали бедному шиди Шэню, который оказался заперт в глухом углу, так и не обучившись ни единому приёму. Конечно, эти толки доходили и до самого Шэнь Цзибая. Он лишь крепче сжимал губы, но его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, не выдавая ни единой эмоции.

Прекрасно знавший взбалмошный нрав своего шиди, Лу Цинцин в конце концов не выдержал. Стоило Сун Цимину показаться на пороге, как второй брат преградил ему дорогу и

громогласно закричал:

— Ты сам настоял на том, чтобы взять Шэнь Цзибая в ученики! И что теперь? Бросил мальчишку на произвол судьбы? Это ни в какие ворота не лезет! Я обо всём доложу наставнику, посмотрим, как ты тогда запоёшь! Какое оправдание придумаешь на этот раз?!

Цимин растерянно моргнул:

— Второй брат, с чего ты взял, что я его бросил?

— А что ты делал весь этот месяц, оставив ребёнка одного в Зале Вечного блаженства?! — Лу Цинцин сердито уставился на него. — Своим бездельем ты загубишь его выдающийся талант!

— У Цзибая действительно исключительный дар, — Цимин дружески похлопал разгневанного брата по плечу. — Но его меридианы были наглухо запечатаны ещё в детстве. Все эти дни я только и делал, что искал в окрестных городах способ безопасно снять блокировку. Да, ушло немало времени, но и дело не из простых. Мне искренне жаль, что заставил тебя думать обо мне дурно. Но теперь, когда всё прояснилось, я, пожалуй, пойду.

Эти слова заставили Лу Цинцина поперхнуться воздухом. Он так и остался стоять на месте с разинутым ртом, не найдя что возразить, и лишь молча провожал взглядом весёлую спину удаляющегося шиди.

Лу Цинцин едва не сплюнул кровью от досады, силясь проглотить обиду.

<http://bllate.org/book/20145/2130668>